

Игорь А. ИСАЕВ*

Парламент или Советы: российский выбор 1918 года

Российский парламент, возникший достаточно поздно по сравнению с европейскими, принципы своей организации и деятельности в значительной мере почерпнул из ранее возникшей в России системы земских органов. Поскольку земства не имели центрального координирующего центра, им стала Государственная Дума, образованная в самом начале XX века.

При отсутствии в России легальных политических партий, земства формировались на основе т.н. «куриальной» системы, сочетавшей в себе цензовые, территориальные и сословные критерии. «Куриальная» система позволяла планировать социальный состав избираемых органов, а многоступенчатая система выборов, применяемая для крестьянского сословия играла роль политического фильтра. (Характерно, что большевики в 1918 году использовали многоступенчатую систему, распространив ее на выборы для обоих победивших классов – рабочих и крестьян).

Традиционное отрицательное отношение к парламентарным принципам выразилось в отрицании принципа разделения властей. Высшие советские органы в 1918 г. соединяли в себе законодательную и исполнительную функции, полагая, что таким образом они приближают свою деятельность к началам прямого политического действия.

Этот аргумент использовался также против предлагаемых крайне левыми (левыми эсерами и эсерами-максималистами) реформ сис-

* Moskiewski Państwowy Uniwersytet Prawniczy im. O. Kutafina, e-mail: Isaev-45@inbox. ru.

темы, в которой единственным органом должен был оставаться ВЦИК, имевший все признаки парламентарной структуры. Борьба партий в конституционной комиссии 1918 года носила прежде всего политический характер и выражала социально-партийные интересы отдельных групп.

Но уже демократическое Временное правительство отказалось от принципа разделения властей и в условиях войны и социального напряжения попыталось перенести массу власти с парламентарных структур на единоличный авторитарный центр. Проект президентской власти, подготовленный к концу работы правительства, свидетельствовал об этой тенденции. На проведенных совещаниях (Демократическом и Государственном летом-осенью 1917 г.) со всеми «демократическими силами» правительство пыталось найти легитимную среду для поддержки авторитарной власти. (По такому пути пошла и германская социал-демократия уже в начале 30-х годов: понимая, что «машина парламентаризма распатана и неработоспособна», было решено переходить к каким-то новым формам государственного управления». принцип парламентаризма превращался из «конститутивного в регулятивный», опираясь на сильную президентскую власть¹).

В значительной мере антипартийность советов уже на первом этапе революции выражалась в динамичных процессах блокирования партийных фракций (левые эсеры, меньшевики-интернационалисты и пр.) с победившим движением. (Позднее восприятие советов как внепартийных организаций выразилось в известном кронштадтском лозунге «советы без коммунистов»). Конфликт между «парламентом как источником и центром власти партийной системы и народом, уступившим власть своим представителям» оказывается, по мнению Ханы Арндт, конфликтом между современной партийной системой и самой революцией. Нарождающееся национальное государство оказалось на стороне первой из конфликтующих сил.

Макс Вебер, который описывал государство как рационализированное предприятие, мог наблюдать в аналогичной революционной ситуации деятельность рабочих советов, уделявших внимание как политическим так и хозяйственно-экономическим вопросам. Советы включались в публичную деятельность: «Советы всегда были органами порядка... и стремление установить новый порядок привело их к конфликту с группами профессиональных революционеров, стремившихся низвести их до уровня простых исполнительных органов»².

¹ Ф.А. Степун, *Германия «проснулася»*. Жизнь и творчество, Москва 2008, с. 611.

² Х. Арндт, *О революции*, Москва 2011.

Формирование местных советов, во всяком случае в России и в 1918 году, было достаточно стихийным процессом. Акции самозахвата и многообразие судебных органов на местах («суды революционного гнева», «суды народной справедливости» и т.п.), которое обусловило также частые перемены в организации центральных судебных органов («декреты о суде» № 1, № 2, № 3), отражали иррациональность политического движения, происходившего на местах.

Законодательная унификация советской системы начинается с началом 1918 года и была обусловлена слиянием двух советских течений – советов рабочих и советов крестьянских депутатов (что отразилось на формировании правительственного блока, в который наряду с большевиками вошли и левые эсеры).

Объединение советов рабочих и крестьянских советов на III Съезде советов, произошедшее сразу после роспуска Учредительного собрания указывало на продолжающийся в стране процесс нарастания прямого политического действия, который не мог не привести к обострению борьбы и гражданской войне. В «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа» заявлялось о тотальных претензиях победившего движения. Мобилизационные акции (национализации экономики, трудовая повинность, воинская обязанность и т.п.) вполне вписывались в декларативные, еще недостаточно конституционные формы регулирования и нормирования. Революционное и конституционное еще не могли быть должным образом соединены. Высшие органы власти, учрежденные на II Съезде советов носили характер временных, организационно-управленческих, еще не застывших бюрократических институтов.

Советам были присущи самоотбор в низовых политических органах, спонтанность, обоснованность личным доверием и тенденция к федеративным формам организации, но они были применимы лишь в рамках политического пространства. Советы не сумели разграничить области политического, административного и хозяйственного регулирования. Принцип соединения властей тотчас аннулировал идею приоритетности законодательной функции, базовой установки любого парламентарного правления.

В особенных условиях гражданской войны и иностранной интервенции возникло большое число чрезвычайных милитаризированных органов как в военной, так и хозяйственной областях. Политика мобилизации сужала сферу существования и деятельности представительных органов и одновременно давала большую инициативу реформированным на военный лад советам (Реввоенсовет, ревкомы, комбеды и т.п.).

Советы не разграничивали функции власти и управления, т.е. сферу публичности политического и сферу администрирования. Но если в первой определяющим оказывался фактор свободы, то во втором – фактор необходимости, что уже по существу не позволяло их объединить. Прямое действие, которое олицетворяли Советы, не могло осуществляться в условиях парламентского представительства, к которому склонялись политические партии.

Легальные политические партии в России возникли одновременно с формированием парламента. Советы стали «партийно-коалиционными» организациями в ходе революционной борьбы еще в 1905 году.

К 1918 году советы представляли собой некие микропарламенты, восприняв партийную и организационную структуру (разделение распорядительной и исполнительной властей) из парламентарной традиции.

Уже Робеспьер проводил различие между революционным и конституционным правительством: советы начали штурм правительственного дворца, руководствуясь этой идеей. Военно-революционный комитет (ВРК), после свержения Временного правительства, передал власть Совету народных комиссаров (СНК), позиционирующего себя как Временное революционное правительство. При отсутствии конституции легитимность этого органа основывалась исключительно на «народной воле».

Идея Учредительного собрания не являлась новой ни для победившей, ни для оппозиционной партий, что и обеспечило возможность ее реализации. Однако незрелость парламентской традиции, неоформленность и неопытность политических партий делали формирующийся парламентарный институт зависимым от внепарламентских движений, имевших опыт нелегальной и силовой деятельности. Насильственный роспуск Собрания не вызвал значительного политического эффекта, тем более, что такой исход уже подготавливался предыдущими политическими насильственными действиями (захват Зимнего дворца, арест правительства, акты национализации и террора и т.п.).

Жорж Сорель, которого воодушевлял опыт русской революции был убежден в том, что централизация и унификация органически присущи диктатуре. «Их практическим результатом является систематическое угнетение, жестокость, облеченная в форму юстиции, и механический аппарат. Диктатура есть не что иное, как рожденная рационалистическим духом военно-бюрократическая полицейская машина». И напротив, революционное использование силы есть некое непосредственное выражение жизни, пусть дикое и варварское, но никогда не являвшееся систематически жестоким и бесчеловечным.

Революция заменяет силу насилием, воинственным актом, который сам по себе не является юридически и административно оформленной мерой³.

Робеспьер отождествлял дух публичности с духом революции. При этом публичность не совпадала с «общей волей», но выражала волю большинства. За последней скрывались вполне определенные партийные интересы. Либеральные (конституционные) партии в России еще до 1918 года были запрещены как контрреволюционные и не могли получить легитимации при отсутствии парламентарного органа. Победившая партия большевиков подпитывалась и легитимизировалась через организацию массовой поддержки за пределами существующих структур (ВЦИК, профсоюзов и пр.).

Но публичность могла стать и принуждением. В современном парламентаризме вера в общественное мнение соединяется с таким институциональным представлением как уравнивание различных государственных деятельностей и инстанций. Парламент, с этой точки зрения, представляет собой не только элемент равновесия, но как законодательная власть, также должен быть сбалансирован. На место единства ставится равновесие⁴. Диктатура же является не упразднением демократии, но упразднением разделения властей, т.е. отменой конституции.

Русская «декларация прав» стала открытой формой законодательства, позволяющей широкое толкование (подобно тому как в судебной системе основным источником для вынесения судебных решений стало «революционное правосознание»). Кодификация права, которая произойдет через несколько лет, закрепит стабильные институты, часто противоречащие самому духу революции (законы периода НЭПа). К тому времени сами советы превратятся в исполнительные органы властной системы, но зато ее высшие звенья приобретут некий квазипарламентские формы: законодательствование и парламентско-представительные структуры окажутся тесно взаимосвязанными.

В европейской политической практике «прямого действия» акты такого типа, получают название «декларации принципов», а не прав. Конституировалось само действие, а не институты и структуры и это открывало путь к дальнейшим политическим новациям, не требуя формальных процедур и парламентских дискуссий⁵. Хана Арендт

³ К. Шмитт, *Духовно-историческое положение парламентаризма. Политическая теология*, Москва 2000, с. 247–248.

⁴ *Ibidem*, с. 195–197.

⁵ П.М. Бицилли, *Фашизм и душа Италии. Избранное*, т. 1, София 1993, с. 194.

замечает, что конфликт между двумя системами – партиями и советами – играл решающую роль во всех революциях XX века. Вопрос ставился таким образом: представительство или прямое действие и участие в публичных делах? «Советы всегда были органами действия, революционные партии – органами представительства». Для всех партий потребность в действии была чем-то преходящим, их представители не сомневались, что после победы революции дальнейшее действие оказывается излишним или даже вредным⁶.

Специфичность российского политического выбора была обусловлена как отечественной национальной традицией (общинное самоуправление на местах, отсутствие компетентного парламентского органа), так и новыми политическими тенденциями, проявившимся в послевоенной Европе. Антипарламентские настроения оказались не только российским явлением.

Ослабление либеральных и социал-демократических влияний в кризисный послевоенный период открыло путь стихийным, иррациональным и активистским течениям. Естественно, что эти силы отрицали ту форму политического устройства, которую передавал предшествующий, свергаемый ими политический режим. Утопический расчет на мировую революцию также предполагал рождение унифицированной формы советов, как интернациональной, а экспорт этой формы даже реализовывался на практике (в Германии, в Венгрии 1918-1919 годов). Позже эта политическая практика также имела место в странах Восточной Европы.

Советы претендовали на такую же универсальность, какую имел парламент. Но в отличие от него они располагали целой системой иерархически выстроенных местных органов. Поэтому правящая политическая партия не ограничивалась дискуссией в одном центральном представительном институте и формированием исполнительной власти правительства, но своими акциями и структурами пронизывала всю политическую систему общества, утверждая принцип тотальности своей власти. Она, подобно «ордену меченосцев» (И. Сталин) становилась «правлящим отбором» для общества в целом, пропитывая все частные сферы существования публичным началом.

Опыт России 1918 года является не только национальным политическим опытом. Он имеет в себе некие онтологические начала, присущие власти вообще в условиях современного общества, как на Западе, так и на Востоке. Советы могут поменять свое название и облик, но всегда будут оставаться формой прямого политического

⁶ Х. Арндт, *op. cit.*, s. 381.

действия, противопоставленного принципам парламентского представительства.

Литература

Арендт Х., *О революции*, Москва 2011.

Бицилли П.М., *Фашизм и душа Италии. Избранное*, т. 1, София 1993.

Степун Ф.А., *Германия «проснулась». Жизнь и творчество*, Москва 2008.

Шмитт К., *Духовно-историческое положение парламентаризма. Политическая теология*, Москва 2000.

PARLIAMENT OR COUNCILS? THE RUSSIAN CHOICE IN 1918

Summary: The article deals with one of the most important issues in the Soviet political and legal history. The choice of the political form that was established almost immediately after the victory of the Bolsheviks in the Revolution of 1917, meant a change in the direction of development of the state. Councils became an alternative to the parliamentary republic. The article analyzes the basic principles of both political systems and the reasons for such a choice. The author emphasizes transnational political direction of the so-called “direct action” which took place not only in Russia, but also in several European countries.

Keywords: PARLIAMENT, COUNCILS, DEMOCRACY, DICTATORSHIP, REPRESENTATION, LEGITIMACY, LEGALISM, SEPARATION OF POWERS, LAW, RULE, STATE POWER, AUTHORITY